

Научная статья
УДК 81.373.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-4-31-62-68
EDN: ASAAVN

Следы украинского языка в ойконимии Белгородской, Воронежской и Курской областей

Сергей Александрович Попов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
spo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Аннотация. В статье рассматривается топонимическая система приграничных регионов Центрального Черноземья Российской Федерации (Белгородской, Воронежской и Курской областей), которая складывалась на протяжении нескольких веков и в настоящее время представляет собой смешанный пласт лексики различных языковых групп (иранской, тюркской, финно-угорской, славянской). Лингвистическому анализу подверглись все ойконимы указанных субъектов Российской Федерации, включенные в Государственный каталог географических названий. Значительный языковой след в наименованиях населенных пунктов (ойконимах) исследуемой территории оставили украинские переселенцы, которые начали массово заселять регион в XVII–XVIII веках (в первую массовую «волну» переселения попали казаки слободских украинских полков: Сумского, Ахтырского, Изюмского, Харьковского, Острогожского). В статье приводится краткая история заселения исследуемого региона, рассматриваются ойконимы украинского происхождения, приводится их лексико-семантическая классификация. Развивающиеся процессы этнокультурной интеграции двух родственных восточнославянских народов – характерная черта этнического развития населения данной территории. Этнические контакты прошлого, вызвавшие взаимодействие национальных языков и культур, их дальнейшее развитие и обогащение прочно зафиксировались в топонимике русско-украинского пограничья России. Особенность функционирования данных ойконимов на территории современного Центрального Черноземья России заключается в том, что украинская ойконимическая система развивалась в иносоциокультурной среде и со временем ассимилировалась. Автор, с конца XX века исследующий ойконимию Воронежской области украинского происхождения, приходит к выводу, что этническая история русско-украинского пограничья, выраженная взаимодействием национальных языков, ярко отразилась в топонимии приграничных областей Центрального Черноземья Российской Федерации, а многовековые языковые контакты двух родственных восточнославянских народов привели к прочной фиксации украинских топонимов в исследуемом русскоязычном регионе и сделали их частью русской национальной культуры.

Ключевые слова: ономастика; топонимия; ойконимия; Центральное Черноземье; русский язык; украинский язык; лингвистическое краеведение

Для цитирования: Попов С. А. Следы украинского языка в ойконимии Белгородской, Воронежской и Курской областей // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 62–68. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-62-68>. <https://elibrary.ru/ASAAVN>

Original article

Traces of the ukrainian language in the oikonymy of Belgorod, Voronezh and Kursk regions

Sergey A. Popov

Candidate of philological sciences, associate professor, the department of public relations, advertising and design, faculty of journalism. Voronezh state university. 394018, Voronezh, Universitetskaya sq., 1
spo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Abstract. The article examines the toponymic system of the Central Chernozem border regions of the Russian Federation (Belgorod, Voronezh, and Kursk regions), which has been developing for several centuries and is now a mixed vocabulary of different language groups (iranian, turkic, finno-ugric, slavic). All the oikonyms of the above mentioned RF subjects included in the State Catalogue of Geographical Names have been analyzed. A significant linguistic trace in the names of settlements (oikonyms) on the territory under study was left by Ukrainian settlers who began to inhabit the

region en masse in the XVII–XVIII centuries (the Cossacks of the Sloboda Ukrainian regiments got into the first mass «wave» of resettlement: Sumy, Akhtyrsky, Izyumsky, Kharkov, Ostrogozhsky). The article gives a brief history of settling the region, examines oikonyms of Ukrainian origin, and provides their lexical and semantic classification. The increasing ethnic and cultural integration between the two related East Slavic peoples is a feature characterizing ethnic development of the population in the area. Ethnic contacts of the past resulting in the interaction of the national languages and cultures, their further development and enrichment are firmly fixed in the toponymy of the russian-ukrainian borderlands. The specifics of these oikonyms on the territory of the modern Central Chernozem region of Russia lies in the fact that the Ukrainian oikonymic system developed in a foreign socio-cultural environment and was assimilated in the course of time. The author, having studied the Voronezh region oikonymy of ukrainian origin since the end of the 20th century, comes to the conclusion that the ethnic history of the russian-ukrainian borderland, expressed through the interaction of national languages, is vividly reflected in the toponymy of the Central Chernozem border regions of the Russian Federation, and centuries of linguistic contacts between the two related East Slavic peoples have resulted in firm fixation of Ukrainian toponyms in the russian-speaking region under study and made them part of the Russian national culture.

Key words: onomastics; toponymy; oikonymy; Central Chernozem region; the russian language; the ukrainian language; regional linguistic studies

For citation: Popov S. A. Traces of the ukrainian language in the oikonymy of Belgorod, Voronezh and Kursk regions. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(4):62–68. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-62-68>. <https://elibrary.ru/ASAAYN>

Введение

В настоящее время топонимическая система Центрального Черноземья Российской Федерации, формировавшаяся на протяжении нескольких веков, многопланова как по времени появления, так и по языковому происхождению (кроме славянских – иранские, финно-угорские и тюркские языки), словообразованию и лексическому значению. В современных Белгородской, Воронежской и Курской областях находится ряд районов, компактно заселенных потомками украинских переселенцев, которые оставили о себе память в виде географических названий.

Как отмечает В. И. Супрун, «среди проблем филологического краеведения немаловажное значение имеет изучение обширного пласта имен собственных, бытующих на той или иной территории России» [Супрун, 1994, с. 142]. Эту же мысль поддерживает А. М. Мезенко, которая считает, что в настоящее время «одним из приоритетных направлений развития современной лингвистики, и ономастики в частности, становится регионалистика» [Мезенко, 2016, с. 28].

Цель данной статьи – на примере приграничных областей Центрального Черноземья показать, как за несколько столетий украинские языковые следы в ойконимии исследуемого региона стали частью русской национальной культуры.

Материалом исследования является массив (реестр) официальных наименований населенных пунктов, расположенных на территории Белгородской, Воронежской и Курской областей, включенных в Государственный каталог географических названий.

Из истории заселения исследуемой территории

Как отмечал В. П. Загоровский, «по сравнению с другими русскими землями, входившими после образования централизованного государства в пределы государственной территории России, Центральное Черноземье имело одну весьма существенную особенность: здесь на рубеже XV и XVI столетий практически (за исключением крайней западной части современной Курской области) не имелось постоянного населения, не существовало городов и сел. Это был запустевший в результате монголо-татарского нашествия и установления длительного монголо-татарского ига край» [Загоровский, 1969, с. 5]. Историки называют указанную местность «Диким полем» («Подем»).

В дальнейшем «значительная часть освоенной территории Поля была заселена черкасами – казаками слободских украинских полков: Сумского, Ахтырского, Изюмского, Харьковского, Острогожского. Мотивы, которые вынудили украинских казаков переселиться на юго-восток, под покровительство московского царя, заключаются в усилении гнета польско-литовской шляхты Речи Посполитой – с одной стороны, турками Османской империи – с другой» [Филонович, 2019, с. 139].

В связи с указанными событиями в 30–40-х годах XVII века в Воронежском крае появляются первые группы переселенцев с Украины: «В 1637–1638 гг., после неудачной войны с Польшей, массы украинцев передвигаются в пределы Воронежской губернии – на Усерд, Валуйки, Воронеж, а в 1652 г., после проигранной казацкой войны, полковник Дзиньковский с 1000 казаков пересе-

ляются на Дон, по рекам Тихой Сосне и Острогосце, и даёт начало одному из украинских полков – Острогосскому. Во II половине XVII в. украинские массы, казацкие и земледельческие, продолжают стихийно двигаться на юг и восток» [Введенский, 1925, с. 4]. Значительно больший размах переселение украинцев в Воронежский край получило в 80–90-х годах XVII в. и особенно в начале XVIII века, когда на территорию современных Белгородской, Воронежской и Курской областей переселилось значительное количество малорусских крестьян, которых привлекла в этих местностях выгода мирных сельскохозяйственных и промышленных занятий.

Как отмечает С. А. Филонович, «проживающие на «Слобжанщине» казаки-черкасы, отличающиеся не только говором и бытовой культурой, но и имеющие признаки самостоятельного украинского этноса, образовали крупные зоны компактного расселения украинцев на территории Черноземья. Сегодня это следующие районы (с современным административным названием):

- в Курской области – Обоянский, Беловский, Суджанский, Кореневский, Глушковский, Рыльский, Хомутовский;

- в Белгородской области – Борисовский, Грайворонский, Чернянский, Новооскольский, Волоконовский, Валуйский, Вейделевский, Ровеньковский, Алексеевский, Красногвардейский;

- в Воронежской области – Острогосский, Каменский, Лискинский, Подгоренский, Ольховатский, Россошанский, Кантемировский, Богучарский, Калачеевский, Петропавловский, Воробьёвский» [Филонович, 2019, с. 140–141].

По мнению В. М. Брезгуновой, «миграционные процессы, затронувшие воронежский край в XVII в., переселение украинцев на новые места, по многим весьма значимым причинам вполне отвечали интересам набиравшего силу Русского государства, заинтересованного в заселении и защите своих южных рубежей» [Брезгунова, 2016, с. 38].

По утверждению историков, «следующая волна переселения украинцев, менее интенсивная, была вызвана Столыпинской реформой. Украинцы расселились в это время, в основном, на юге и юго-востоке Воронежской губернии. В конце XIX века украинцы составляли 36 % населения региона. По переписи 1926 года их численность сократилась до 33 %» [Проскурина, 2017, с. 97].

Таким образом, «в результате ассимиляции языка, культуры, самосознания, экономических связей двух наиболее многочисленных народов

региона и сформировалось единое геоэтнокультурное пространство региона» [Проскурина, 2017, с. 98].

В настоящее время ряд административных районов Белгородской, Воронежской и Курской областей массово или частично населен потомками украинских переселенцев. Развивающиеся процессы этнокультурной интеграции двух родственных восточнославянских народов – характерная черта этнического развития населения данной территории. Этнические контакты прошлого, вызвавшие взаимодействие национальных языков и культур, их дальнейшее развитие и обогащение прочно зафиксировались в ономастике русско-украинского пограничья России: украинское наследие сохранилось в антропонимии, топонимии и астронимии. Поэтому «в процессе лингвокраеведческой работы необходимо не забывать, что на нашей территории ономастические данные южнорусских и украинских говоров одинаково важны при изучении региональных особенностей нашего края, а также для воспитания истинного патриотизма» [Ковалев, 2002, с. 245].

Особенно ярко этническая история региона отразилась в наименованиях географических объектов, поскольку топонимы представляют собой продукт многовекового развития культур разных народов и являются результатом освоения этносами в течение длительного времени определенных территорий.

Согласимся с Л. Н. Верховых, что «особое значение в настоящее время приобретает выделение специальной лингвистической дисциплины, изучающей языковую специфику региона в соотношении с данными краеведения» [Верховых, 2022, с. 13]. В связи с этим необходимо также прививать подрастающему поколению интерес к изучению прошлого родного края, отраженному в географических названиях, поскольку «топонимические «первые» шаги учащиеся делают в исследованиях ойконимов, названий улиц, исторических зарисовок и др.» [Николаенко, 2022, с. 321].

Гидронимы бассейна Дона, имеющие параллели на Украине, следует считать вторичными, привнесенными на данную территорию. Например, гидронимия Воронежской области не содержит в себе в чистом виде украинских названий (современные названия крупных водных источников сформировались в более ранний период заселения воронежского края, поэтому их этимология часто восходит к иранским, финно-угорским и тюркским языкам, однако названия более мелких водных источников (ручьев, родников, колодцев,

озер) зачастую имеют «двойников» на Украине – топонимы со словами *плота*, *колодезь* и др.: *Вислый Колодезь*, *Долгой Колодезь*). Как отмечает М. А. Ююкин, «перенос топонима – это показатель, с одной стороны, утраты связи названия с его первоначальным этимологическим значением, а с другой – появление у топонима экстралингвистического значения, заключенного в тех представлениях, с которыми связан данный топоним для определенной группы людей. В переносе географических названий есть сакрально-заклинательный момент, в котором выражено стремление людей обрести родину на новом месте» [Ююкин, 1996, с. 52].

Украинское наследие в топонимии Центрального Черноземья

В настоящее время в ойконимии и особенно в микротопонимии Центрального Черноземья России легко обнаруживается украинское наследие, проявляющееся на разных уровнях языка.

Ойконимия Белгородской области досконально исследована И. И. Жиленковой [Жиленкова, 2001; Жиленкова, 2012], М. В. Федоровой [Федорова, 1995], Курской области – В. Н. Орловым [Орлов, 2011], А. И. Яценко [Яценко, 1958]. Ойконимию Воронежской области украинского происхождения мы начали исследовать в конце XX века [Попов, 1994; Попов, 1997].

Настоящие примеры для иллюстраций взяты из Государственного каталога географических названий (реестры наименований населенных пунктов по Белгородской (далее – БО), Воронежской (далее – ВО) и Курской (далее – КО) областям) [Государственный каталог ...].

I. Фонетический уровень:

БО: х. *Дукмасивка*, х. *Махотынка*, х. *Верхняя Гусынка*, х. *Нижняя Гусынка*;

ВО: х. *Индычий*. Наиболее отчетливо украинское наследие на фонетическом уровне демонстрируют исчезнувшие ойконимы. Например, в Воронежской области это названия не существующих в настоящее время населенных пунктов: сл. *Галативка* (ср.: рус. Галаповка), х. *Гусынка* (ср.: рус. Гусинка, Гусиновка, Гусёвка), х. *Кобцивка* (ср.: рус. Кобцовка), х. *Козынка* (ср.: рус. Казинка), х. *Лежнивка* (ср.: рус. Лежневка).

II. Лексический уровень:

1. Антропоойконимы, основы которых содержат украинскую нарицательную лексику, обозначающую:

а) род занятий человека:

БО: с. *Алейниково*, с. *Олейники*, х. *Олейницкий* (*олейник* (*алеиник*) – 'изготовитель растительного масла или торговец им'), с. *Ковалево* (*коваль* – 'кузнец'), х. *Мирошники* (*мирошник* – 'мельник'), с. *Тютюниково* (*тютюнник* – 'тот, кто выращивает табак или продает его'), с. *Шведуновка* (от прозвища *шведун*, *швед* (*швец*) – 'портной');

ВО: с. *Гармашевка*, ст. *Гартмашевка* (*гармаш* – 'артиллерист, пушкарь'), х. *Ковалёв*, с. *Ковалёво*, п. *Коваленковский*, х. *Кравцовка*, х. *Кравцово* (*крavec* – 'портной'), х. *Крамарев*, х. *Крамаренков* (*крамар* – 'торговец, лавочник'), х. *Лимарев* (*лимарь* – 'шорник'), х. *Мирошников*, с. *Титаревка* (*титар* – 'ктитор');

КО: х. *Шевченко*, п. *Шевченко*;

б) прозвища, данные их носителям по внешнему виду, характеру, по ассоциациям с животным и растительным миром:

БО: с. *Гарбузово* (*гарбуз* – 'тыква');

ВО: с. *Дерябкино* (*дерябка* – 'сойка'), с. *Скнарровка* (*скнара* – 'скупец, скряга'), с. *Смаглевка* (*смаглий* – 'смуглый'), с. *Юнаково* (*юнак* – 'юноша', 'молодой человек бравого вида').

2. Ойконимы, в основу которых положены названия орудий производства, род занятий населения:

БО: с. *Илек-Кошары* (*кошара* – 'сарай, загорода для овец');

ВО: х. *Ветряк* (*ветряк* – 'ветряная мельница'), с. *Кошарное*, х. *Кошарный*;

КО: д. *Кашара*, д. *Кашарка*.

3. Геогенные топонимы, в основе которых сохраняются различные признаки географических объектов, природных условий местности:

а) названия, связанные с гидрографическими особенностями местности:

БО: с. *Белый Колодезь*, х. *Белый Колодезь*, х. *Жилин Колодезь*, х. *Колодезный*, с. *Неведомый Колодезь*, с. *Теплый Колодезь* (*колодезь* – 'колодец, родник'), х. *Белокриничный*, с. *Криничное*, х. *Криничное*, х. *Криничный* (*криниця* – 'родник, необорудованный источник');

ВО: х. *Белый Колодезь*, х. *Голубая Криница* х. *Коловерть* (*коловерть* – 'водоворот'), х. *Копани*, х. *Копанки*, с. *Копанице* (*копанка*, *копані* – 'яма, вырытая для сбора воды', 'колодец без сруба');

КО: с. *Белый Колодезь*, п. *Белый Колодезь*, д. *Березово-Колодезь*, д. *Верхнеправоторский Колодезь*, д. *Грязный Колодезь*, с. *Долгий Колодезь*, х. *Колодезек*, д. *Колодезки*, д. *Лисий Колодезь*, с. *Махов Колодезь*, д. *Медведев Колодезь*, д. *Меловой Колодезь*, с. *Обиций Колодезь*, д. *Полевой Колодезь*, х. *Резвый Колодезь*,

с. *Рогозецкий Колодезь*, с. *Толстый Колодезь*, д. *Томилин Колодезь*, х. *Хмелевой Колодезь*, д. *Хотеж Колодезь*, д. *Черный Колодезь*;

б) названия, отразившие местоположение населенного пункта, географического объекта:

БО: х. *Хрещатый* (*хрещатий* – 'крестовидный, крестообразный');

ВО: с. *Кутки*, х. *Куток* (*куток* – 'угол', 'окраина поселения', 'часть, сторона села'), с. *Хрещатое*;

в) топонимы, в основе которых содержатся названия растений и животных, встречающихся или встречавшихся в регионе:

ВО: х. *Индычий* (*индык* – 'индюк'), с. *Лиски* (*ліски* – 'орешник'), с. *Осиковка* (*осика* – 'осина'), х. *Репяховка* (*реп'ях* – 'репейник'), с. *Тхоревка* (*тхір* – 'хорёк, хорь'), х. *Чагары* (*чагарь* – 'лесная поросль, кустарник').

4. Этнотопонимы, в которых отражен этнический состав проживающих или проживавших в данной местности людей. По мнению А. И. Попова, «географические имена, происшедшие от этнических, чаще всего расположены на пограничьях, на стыке разных племенных групп. Там, где встречаются русские и мордва, мордва и татары, русские и удмурты и т. д., всегда много населенных пунктов с названиями, носящими в первой части соответствующий определитель: *Русская* (-ое, -ий), *Мордовская* (-ое, -ий) и т. п. Во многих случаях это явление новое, насчитывающее с момента возникновения 200–300 лет, а иногда и менее» [Попов, 1965, с. 83].

Весьма заметно противопоставление названий по линии «русское – украинское (черкасское, казачье)»:

БО: п. *Казачок*, с. *Казачок*, п. *Казачья Степь*, с. *Казачькое*, с. *Казачье*, с. *Казачье-Рудченское*, с. *Казачья Лисица*, х. *Новоказацкий*, с. *Новоказачькое*, х. *Новочеркасский*, с. *Русская Березовка*, с. *Русская Халань*, с. *Черкасское*;

ВО: с. *Казачок*, с. *Русская Буйловка*, с. *Русская Гвоздёвка*, с. *Русская Журавка*, с. *Русская Тростянка*, с. *Украинская Буйловка*, с. *Хохол-Тростянка* (по украинскому населению, *хохлам*), х. *Украинский*, с. *Черкасское*;

КО: д. *Казачья Каменка*, с. *Казачья Локня*, х. *Новочеркасский*, д. *Русская Конопелька*, с. *Русское Поречное*, х. *Украинка*, с. *Черкасская Конопелька*, с. *Черкасское Поречное*, х. *Черкасы*.

III. Словообразовательный уровень представлен отантропонимическими топонимами с украинскими притяжательными суффиксами *-енко-*, *-енков-* в значении 'сын, потомок такого-то', 'ученик, подмастерье какой-либо профессии',

зачастую также в их основе лежит личное имя или прозвище человека – первопоселенца или владельца:

БО: с. *Алексеевково*, х. *Артеменков*, х. *Бабенков*, х. *Басенков*, х. *Бондаренков*, п. *Быщенков*, х. *Васильченков*, п. *Геращенко*, с. *Иващенко*, с. *Калиниченко*, х. *Кириченко*, х. *Кисленко*, с. *Клименково*, с. *Луценково*, х. *Максименково*, х. *Марченко*, х. *Остапенко-Второй*, х. *Остапенко-Первый*, с. *Савенково*, х. *Савченко*, х. *Федоренков*, х. *Якименков*.

ВО: х. *Демченков*, с. *Дьяченково*, х. *Иванченков*, х. *Ивченково*, с. *Карпенково*, с. *Кириченко*, п. *Коваленковский*, х. *Крамаренков*, п. *Кривченко*, х. *Леценково*, сл. *Марченковка*, х. *Николенков*, п. *Новитченко*, х. *Пащенко*, с. *Петренко*, х. *Романенков*, х. *Самойленко*, х. *Сереженков*, с. *Стеценково*, с. *Филиппенково*, с. *Фисенково*, с. *Фоменково*, х. *Шевченко*, с. *Шевченково*;

КО: д. *1-я Малая Долженкова*, д. *2-я Малая Долженкова*, д. *Большое Анненково*, с. *Большое Долженково*, д. *Борзенково*, с. *Долженково*, д. *Малое Анненково*, д. *Татаренкова*, д. *Умеренково*, п. *Шевченко*, х. *Шевченко*.

Особую группу в приграничной ойконимии Центрального Черноземья составляют названия населенных пунктов, повторяющие украинские географические реалии:

БО: с. *Дунайка* (от р. *Дунай*), п. *Сумовский* (от г. *Сумы*), с. *Харьковское* (от г. *Харьков*);

ВО: х. *Верхний Киев* (от г. *Киев*), с. *Лебединка* (от г. *Лебедин*), сл. *Новохарьковка*, п. *Пески-Харьковские* (от г. *Харьков*), с. *Полтавка* (от г. *Полтава*);

КО: д. *Дунайка*, х. *Лебедин*, п. *Светлый Дунай*.

Особенность функционирования данных ойконимов на территории современного Центрального Черноземья России заключается в том, что украинская ойконимическая система развивалась в иносоциокультурной среде и со временем ассимилировалась.

Заключение

В данной статье мы показали, что этническая история русско-украинского пограничья, выраженная взаимодействием национальных языков, ярко отразилась в ойконимии Центрального Черноземья Российской Федерации.

С течением времени многие ойконимы исследуемого региона исчезли по разным причинам, среди них имелось достаточное количество названий с украинскими основами: «Однако общая тенденция исчезновения наименований населен-

ных пунктов в регионе за последние 60 лет не обошла стороной ойконимы украинского происхождения, которые в настоящее время прекратили свое существование» [Попов, 2021, с. 386].

Таким образом, многовековые языковые контакты двух родственных восточнославянских народов привели к прочной фиксации украинских ойконимов в исследуемом русскоязычном регионе и сделали их частью русской национальной культуры.

Библиографический список

1. Брезгунова В. М. Причины переселения украинцев в Воронежский край в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 37–39.

2. Введенский С. Н. Об украинском населении в пределах Воронежской губернии // Воронежский краеведческий сборник, вып. II. Воронеж, 1925. С. 3–6.

3. Верховых Л. Н. Лингвокраеведение как научное направление (к вопросу о соотношении терминов лингвокраеведение – лингвострановедение – лингво-регионоведение) // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост. А. М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. С. 12–18.

4. Государственный каталог географических названий. URL: <https://cgkipd.ru/science/names/teestrygkgn.php> (дата обращения: 25.10.2022).

5. Жиленкова И. И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области): учеб. пособие к спецкурсу. Белгород : Изд-во БелГУ, 2001. 112 с.

6. Жиленкова И. И. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): учеб. пособие по лингвокраеведению. Изд. 2-е. Белгород : ИД «Белгород», 2012. 124 с.

7. Загорский В. П. Белгородская черта. Воронеж : ВГУ, 1969. 303 с.

8. Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды: Писатель и имя. Воронеж : ВГПУ, 2002. 275 с.

9. Мезенко А. М. Именослов Белорусского Поозерья в кругу ономастических исследований: проблемное поле, подходы, перспективы // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост. А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверина; под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. С. 27–30.

10. Николаенко С. В. Воспитательный потенциал ономастики // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост. А. М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. С. 320–324.

11. Орлов В. Н. Ойконимы Курщины и прилегающих земель (1719–1999). Издание 4-е, исправленное и дополненное. Москва, 2011. 390 с.

12. Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). Москва; Ленинград : Наука, 1965. 181 с.

13. Попов С. А. Проблема взаимодействия национальных языков в топонимии пограничной территории (на примере русско-украинского пограничья) // Материалы по русско-славянскому языкознанию, вып. 20. Воронеж : ВГУ, 1994. С. 72–73.

14. Попов С. А. Украинское наследие в воронежской ойконимии // Тезисы научных докладов и сообщений на международной конференции «Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия». Секция культурологии. Воронеж, 1997. С. 35–38.

15. Попов С. А. К этимологии исчезнувших ойконимов Воронежского края украинского происхождения // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. 2021. № 1(45). С. 383–388.

16. Проскурина Н. В. Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета, серия: География. Геоэкология. 2017. № 4. С. 95–99.

17. Супрун В. И. Краеведческая ономастика // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: тез. докл. Всероссийск. науч. конф., 11–14 мая 1994 г. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры. Сыктывкар : СГУ, 1994. С. 142–144.

18. Федорова М. В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии / под ред. М. В. Федоровой. Белгород : Изд-во БГПУ, 1995. С. 62–70.

19. Филонович С. А. История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 135–144.

20. Ююкин М. А. Исторические связи Среднего Подонья и исконных восточнославянских земель по данным топонимики // Край Воронежский: история и традиции. Вып. I. Воронеж : Петровский сквер, 1996. С. 52–56.

21. Ященко А. И. Топонимика Курской области. Курск, 1958. 76 с.

Reference list

1. Brezgunova V. M. Prichiny pereselenija ukraincev v Voronezhskij kraj v XVII veke = Reasons for moving Ukrainians to the Voronezh region in the XVII century // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija. 2016. № 3. S. 37–39.

2. Vvedenskij S. N. Ob ukrainskom naselenii v predelah Voronezhskoj gubernii = On the Ukrainian population within the Voronezh province // Voronezhskij kraevedcheskij sbornik, vyp. II. Voronezh, 1925. S. 3–6.

3. Verhovyh L. N. Lingvokraevedenie kak nauchnoe napravlenie (k voprosu o sootnoshenii terminov lingvokraevedenie – lingvostranovedenie – lingvoregionovedenie) = Linguistic local studies as a scientific field (on the correlation between the terms linguistic local

studies – linguistic country studies – linguistic regional studies) // Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija: sbornik nauchnyh statej / sost. A. M. Mezenko [i dr.]; pod nauch. red. A. M. Mezenko. Vitebsk : VGU imeni P. M. Masherova, 2022. S. 12–18.

4. Gosudarstvennyj katalog geograficheskikh nazvanij = The state catalogue of geographical names. URL: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgn.php> (data obrashhenija: 25.10.2022).

5. Zhilenkova I. I. Regional'naja toponimika (ojkonimija Belgorodskoj oblasti): ucheb. posobie k speckursu = Regional toponymy (oikonymy of the Belgorod region): textbook for the specialist course. Belgorod : Izd-vo BelGU, 2001. 112 s.

6. Zhilenkova I. I. Toponimy Belgorodskoj oblasti (sistemnyj lingvoanaliz nazvanij naseleennyh punktov): ucheb. posobie po lingvokraevedeniju = Toponyms of the Belgorod region (systemic linguistic analysis of the names of settlements): textbook in linguistic local studies. Izd. 2-e. Belgorod : ID «Belgorod», 2012. 124 s.

7. Zagorovskij V. P. Belgorodskaja cherta = Belgorod line. Voronezh : VGU, 1969. 303 s.

8. Kovalev G. F. Onomasticheskie jetjudy: Pisatel' i imja = Onomastic studies: The writer and the name. Voronezh : VGPU, 2002. 275 s.

9. Mezenko A. M. Imenoslov Belorusskogo Poozer'ja v krugu onomasticheskikh issledovanij: problemnoe pole, podhody, perspektivy = Namelist of the Belarusian Lakeland in onomastic studies: problem field, approaches, and perspectives // Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija: sb. nauch. st. / sost. A. M. Mezenko, E. A. Zajceva, O. V. Sheverinova; pod nauch. red. A. M. Mezenko. Vitebsk : VGU imeni P. M. Masherova, 2016. S. 27–30.

10. Nikolaenko S. V. Vospitatel'nyj potencial onomastiki // Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija: sbornik nauchnyh statej = Educational potential of onomastics // Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles / sost. A. M. Mezenko [i dr.]; pod nauch. red. A. M. Mezenko. Vitebsk : VGU imeni P. M. Masherova, 2022. S. 320–324.

11. Orlov V. N. Ojkonimy Kurshhiny i prilegajushhhij zemel' (1719–1999) = Oikonyms of Kursk region and adjacent lands (1719-1999). Izdanie 4-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva, 2011. 390 s.

12. Popov A. I. Geograficheskie nazvanija (Vvedenie v toponimiku) = Geographic names (Introduction to toponymy). Moskva; Leningrad : Nauka, 1965. 181 s.

13. Popov S. A. Problema vzaimodejstvija nacional'nyh jazykov v toponimii pogranichnoj territorii (na primere russko-ukrainskogo pogranich'ja) = The problem of interactions between national languages in the toponymy of the border area (the example of the Russian-Ukrainian border area) // Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju, vyp.20. Voronezh : VGU, 1994. S. 72–73.

14. Popov S. A. Ukrainское nasledie v voronezhskoj ojkonomii = Ukrainian traces in Voronezh oikonymy // Tezisy nauchnyh dokladov i soobshhenij na mezhdunarodnoj konferencii «Rossija i Ukraina na poroge XXI veka. Puti sochetanija nacional'nyh interesov i bratskogo vzaimodejstvija». Sekcija kul'turologii. Voronezh, 1997. S. 35–38.

15. Popov S. A. K jetimologii ischeznuvshih ojkonomov Voronezhskogo kraja ukrainskogo proishozhdenija = On the etymology of disappeared oikonyms of Ukrainian origin in the Voronezh region // Naukovij visnik Uzhgorodskogo universitetu. Serija: Filologija. 2021. № 1(45). S. 383–388.

16. Proskurina N. V. Russko-ukrainskij simbioz na territorii Voronezhskoj oblasti = Russian-Ukrainian symbiosis in the Voronezh region // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, serija: Geografija. Geojekologija. 2017. № 4. S. 95–99.

17. Suprun V. I. Kraevedcheskaja onomastika = Local onomastics // Duhovnaja kul'tura: problemy i tendencii razvitija: tez. dokl. Vserossijsk. nauch. konf., 11–14 maja 1994 g. Lingvisticheskoe izuchenie material'noj i duhovnoj kul'tury. Syktyvkar : SGU, 1994. S. 142–144.

18. Fedorova M. B. Kontaktnye i kontrastnye ojkonomimy Belgorodskoj oblasti = Contact oikonyms of the Belgorod region // Oчерki po istoricheskoj leksikologii / pod red. M. V. Fedorovoj. Belgorod : Izd-vo BGPU, 1995. S. 62–70.

19. Filonovich S. A. Istorija zaselenija Central'nogo Chernozem'ja v zone russko-ukrainskikh kontaktov = History of settling in the Central Chernozem region in the zone of Russian-Ukrainian contacts // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 1. S. 135–144.

20. Jujukin M. A. Istoricheskie svjazi Srednego Podon'ja i iskonnyh vostochnoslavjanskih zemel' po dannym toponimiki = Historical ties between the Middle Don region and the original East Slavic lands according to toponymic data // Kraj Voronezhskij: istorija i tradicii. Vyp. I. Voronezh : Petrovskij skver, 1996. S. 52–56.

21. Jashhenko A. I. Toponimika Kurskoj oblasti = Toponymy of Kursk region.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted on 28.09.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication on 17.11.2022.